

Почему бы нам не пойти вскипятить воды вместе?

Нань Мосе нахмурился, взял его за запястье и проверил пульс. Лицо молодого человека было бледным, а изо рта исходил слабый металлический запах крови.

Старик приложил ладонь к его спине, медленно передавая часть своей внутренней энергии. Тот сосредоточился и выровнял дыхание, пока его истинная ци постепенно не успокоилась, после чего открыл глаза.

— Долго ещё собираешься валять дурака? — спросил Нань Мосе, чувствуя, как нарастает головная боль.

Дуань Байюэ вытер кровь с губ и спросил:

— А как там сяо-Юй?

Понимая, что тот намеренно меняет тему, Нань Мосе вздохнул:

— Всё ещё в деревне Миншуй. Ты серьёзно собираешься забрать его обратно на юго-запад?

— Княжеская резиденция — его дом, — спокойно ответил Дуань Байюэ, наливая себе чашку чая.

— Зачем вырывать его из рук Цинь Шаоюя? — сказал Нань Мосе. — Тем более, сяо-Юй — не Яо-эр. Его сердце принадлежит миру боевых искусств, оно никогда не было рядом с тобой. Даже если силой вернёшь — толку не будет.

Дуань Байюэ покачал головой:

— Мир боевых искусств центральных земель — слишком опасен. Сколько людей жаждут власти над дворцом Чжуйин («Преследующих Теней»). Я не хочу подвергать его опасности.

— Нельзя насильно держать человека рядом всю жизнь, — напомнил Нань Мосе.

— У меня есть свои соображения на этот счёт, — ответил Дуань Байюэ. — Учителю не стоит беспокоиться.

Дуань Юй приходился ему сводным братом по отцу. Будучи человеком простодушным и прямолинейным, он не мог смириться даже с малейшей несправедливостью и крайне негативно относился к методам Дуань Байюэ, который для объединения пограничных территорий не гнушался массовыми кровопролитными битвами. После смерти матери юноша

оставил прощальное письмо и отправился странствовать по цзянху. Впоследствии он осел в пределах провинции Шу, во Дворце Чжуйин («Преследующих Теней»), где взял псевдоним Чжао У и стал подчинённым Цинь Шаоюя. Байюэ давно хотел вернуть его, но всякий раз получал отказ. Недавно, случайно повстречавшись в городе Лопин неподалёку от Хуаньтяньчжая, братья, что неудивительно, снова поссорились. В гневе князь запер его в одном из домов в деревне. Вместе с ним оказалась заключена и невеста Чжао У — Хуа Тан, Левая Стражница* Дворца Чжуйин. Дуань Байюэ собирался увезти их обоих после завершения состязания за руку невесты.

*护法 (Hùfǎ) — Хуфа — "Защитник Закона" или "Хранитель Учения". Это высокий пост в китайских сектах или организациях, часто связанный с боевыми искусствами и защитой лидера.

— То, что ты считаешь хорошим, не обязательно является таковым, — наставительно произнёс Нань Мосе.

— А что же действительно хорошо? — спросил тот.

— То, что я считаю хорошим, — невозмутимо ответил старик.

—...

— Братскую любовь и уважение невозможно навязать силой, — покачал головой Нань Мосе. — В отличие от любовных утех* на ложе. Когда сердца принадлежат друг другу, близость приносит особое удовольствие.

*闺房之乐 (guī fāng zhī lè) — книжное, немного устаревшее выражение для обозначения интимной близости, супружеских утех. Дословно: «радости и любовь на ложе».

— Говорите так, будто сами были женаты, — фыркнул Байюэ.

— Неблагодарный ученик! — рассердился тот.

— Вернёмся к делу, — Дуань Байюэ отпил чаю. — Состязание через три дня. Я не хочу, чтобы что-то пошло не так.

— Это сложно гарантировать, — Нань Мосе скрестил руки на груди и искоса посмотрел на него. — Ядовитые гу, очнувшись ото сна, первым делом стремятся утолить голод. Раз уж они внутри твоего тела, как они могут никак на тебя не влиять?

— После состязания пусть пируют, сколько душе угодно.

Нань Мосе снова передумал: слова «Мастер любви» не должны были быть вырезаны на табличке в зале, их следовало бы вытатуировать прямо на лице этого мальчишки!

Дуань Байюэ был непреклонен.

Старик лишь вздыхал и в конце концов сделал ему несколько уколов иглами, надеясь, что тот продержится следующие три дня.

Прошёл ещё один день. Дуань Байюэ передал в резиденцию Чжоу тщательно изготовленную карту северо-западных земель.

— Ну как? — спросил Нань Мосе, когда тот вернулся.

— Отлично, — ответил князь.

Учитель Нань сразу же раскусил его:

— Судя по твоему виду — ни черта не отлично. Что, выгнали?

Дуань Байюэ спокойно открыл дверь в свою комнату и, перед тем как зайти, сказал:

— Этот князь должен регулировать внутреннюю энергию.

Нань Мосе непрерывно вздыхал. Если его папаша* имел трёх жён и четырёх наложниц, наслаждаясь утехами, то его сын не мог добиться* ни одной. Он не только проводил дни в страданиях, но и довёл себя до внутренних травм. Если бы старый князь узнал, наверное, выбрался бы из могилы, чтобы провести долгую воспитательную беседу.

*老子 (lǎo zi) — грубоватое, просторечное и фамильярное обращение по отношению к отцу.

*吃不到嘴 (chī bù dào zuǐ) — досл. «не может донести до рта (чтобы съесть)». Разговорная, слегка вульгарная идиома, означающая «не быть в состоянии добиться желаемого», особенно в романтическом или сексуальном контексте.

В комнате Дуань Байюэ насильно подавил разгулявшуюся внутреннюю энергию, после чего залпом выпил полкувшина креплёного вина. Если нельзя было напоить паразита, лучше опьянеть самому, чем терпеть эту боль и бессонные ночи.

□□

В резиденции Чжоу Чу Юань стоял у окна, глядя на мерцание далёких огней.

Честно говоря, он мог и не отправляться на юго-запад, ограничившись письмом с ясным изложением дела. Однако, тщательно всё обдумав, он всё же проделал неблизкий путь из столицы в Хуаньтяньчжай.

О причине он думать не хотел.

Будучи императором, Чу Юань редко показывал истинные эмоции, но перед Дуань Байюэ вся его маскировка становилась хрупкой. Человек, стоявший перед ним, мог легко прочесть его сердце одним лишь взглядом.

Чувство это было неприятным, но он не знал, как его изменить.

Чу Юань слегка закрыл глаза, запрокинул голову и выпил чашу вина.

Евнух Сыси стоял за дверью и вздыхал, бодрствуя рядом с ним всю ночь.

□□□

В день состязания Нань Мосе всё же переживал за здоровье Дуань Байюэ и потому втайне наблюдал за битвой. Если бы что-то пошло не так, он был готов вытащить ученика силой и уволочь куда подальше. К счастью, видимо, лекарство подействовало — после сотен обменов ударами с Шэнь Цяньфанем князь не проявил признаков ухудшения состояния и успешно сбил противника с помоста, как и планировалось.

Казалось бы, на этом всё могло закончиться: Шэнь Цяньфань тяжело ранен, император Чу, узнав об этом, пришёл в ярость, давно уже тревожимый честолюбивыми замыслами князя Синаня. Теперь появился удобный предлог для начала военных действий. Всё шло по намеченному плану — оставалось лишь дожидаться, когда племена с севера клонут на наживку, и можно было бы праздновать победу.

Однако никто не ожидал, что едва Дуань Байюэ одержал верх и не успел сойти с арены, как перед ним возник человек в чёрном и деревянным, неестественным голосом заявил, что собирается похитить Ду Чжэн.

Нань Мосе нахмурился, остальные под помостом переглядывались, не понимая, что происходит.

Противник оказался беспощадным и коварным. Дуань Байюэ с трудом выдержал с ним десяток обменов ударами — в груди заныло, лицо побледнело. Старик уже собирался вмешаться, но человек в чёрном внезапно атаковал главу Дворца Преследующих Теней, скрытого в толпе.

Цель незнакомца была очевидна. Нань Мосе едва сдерживал гнев:

«Если хочешь свести счёты, делай это напрямую*! Зачем ходить окольными путями, да ещё и втягивать в это моего ученика? И ведь выбрал именно это время и место — неужели нельзя было подождать?»

*頭頭是道 (yǒu tóu, zhài yǒu zhǐ) — классическая китайская идиома, означающая: «У обиды есть голова (источник), у долга есть хозяин (тот, кто должен)». То есть, мстить или предъявлять претензии нужно непосредственно виновному, а не другим. Здесь слово 頭 (tóu) — «голова» используется не в смысле «орган, в котором рождаются мысли», а в смысле «начало», «источник», «главный элемент».

Толпа пребывала в замешательстве. Дуань Байюэ поднял руку и запечатал три основные акупунктурные точки на своём теле, чтобы помочь Цинь Шаоюю обезвредить нападавшего.

Если бы не страх, что Е Цзинь может его узнать, Нань Мосе давно бы уже стоял на крыше и ругался во весь голос.

«У самого раны не зажили, а уже побежал влезать в чужие дела.»

Теневые гвардейцы тем временем вернулись в резиденцию Чжоу и доложили обо всём императору.

Кто-то устроил провокацию? — нахмурился Чу Юань.

— Не против князя Дуаня или генерала Шэня, — ответил гвардеец. — Человек в чёрном покончил с собой. Говорят, у него была старая вражда с Цинь-гунчжу*. Воспользовался суматохой, чтобы свести счёты.

*頭頭 (gōngzhǐ) — глава секты/школы и т.п.

— Есть пострадавшие? — спросил император.

— Генерал Шэнь на месте потерял сознание. Его унесли, — кивнул страж.

Чу Юань тихо вздохнул.

Сбоку евнух Сыси спросил:

— А что с князем Синаня?

Чу Юань:

— ...

— С князем всё в порядке. Он уже вернулся к себе, — ответил гвардеец.

— Ну и славно, — с облегчением произнёс Сыси, выпятив живот. — Ваше Величество, простите этого старого слугу за лишние слова.

Чу Юань похлопал его по плечу:

— В течение месяца — никаких мясных блюд.

Сыси побледнел.

Взгляд теневого гвардейца стал откровенно сочувствующим.

□□□

На постоялом дворе Дуань Байюэ лежал в бочке с обжигающе горячей водой, но его лицо оставалось мертвенно-бледным. Воздух был густо насыщен горьким запахом лекарств. Дуань Нянь то и дело заходил, чтобы подлить горячей воды. Прошла целая ночь и день, но пульс так и не пришёл в норму.

— Учитель Нань, что нам делать? — тревожно спросил Дуань Нянь.

Нань Мосе велел:

— Здесь слишком шумно. Сначала найди в городе какое-нибудь тихое и уединённое место.

Дуань Нянь кивнул, спустился вниз и расспросил служку. Вернувшись, он сообщил с досадой:

— Из-за состязания, устроенного Хуаньтяньчжай, в городе уже давно всё занято. Не то что двор — даже обычную комнату не найти, и цены взлетели до небес.

— А как насчёт усадьбы Чжоу? — спросил старик.

— Усадьба Чжоу?.. — Дуань Нянь замер, а потом осознал. — Но это же резиденция императора Чу.

— Именно поэтому она нам подойдёт, — спокойно ответил Нань Мосе, вкладывая пилюлю в рот бессознательному князю. — Это место тайно охраняется императорской стражей, так что там

тихо, спокойно, и никто нас не побеспокоит.

В этом действительно был смысл.

Состояние князя не внушало надежд, и Дуань Нянь, не раздумывая, оседлал коня и направился напрямиком к усадьбе Чжоу.

К тому времени над городом уже сгущались сумерки. Чу Юань, только что завершив купание, сидел за столом с книгой в руках, когда в дверь вдруг торопливо постучали:

— Ваше Величество!

— Входи, — отозвался император. — Что случилось?

— Ваше Величество, только что от постоянного двора пришёл человек, — с тревогой доложил евнух Сыси. — Говорит, князь Синаня тяжело ранен и без сознания. Им срочно нужно тихое место, чтобы залечить раны.

— Ранен? — Чу Юань резко поднялся.

— Так он и сказал... Ваше Величество, что прикажете? — осторожно уточнил Сыси, стараясь уловить настроение правителя.

— Возьми с собой ещё двоих слуг и ступайте, — распорядился Чу Юань. — Сначала приведите его сюда, остальное обсудим потом.

— Слушаюсь! — Евнух не осмелился медлить, развернулся и поспешно вышел. За столько лет службы, даже если бы он и не был особо проницателен, всё равно научился бы улавливать истинные намерения императора.

Спустя больше получаса под покровом ночи карета въехала в усадьбу Чжоу через задние ворота. Первым с неё спрыгнул Дуань Нянь, за ним — пожилой человек с головой, плотно укутанной тканью, так что лица почти не было видно.

Евнух Сыси, взглянув на него, невольно вспомнил Девятого принца в долине Цюнхуа в тот памятный день.

Хриплым, низким голосом Нань Мосе велел слугам аккуратно перенести Дуань Байюэ в боковую комнату. Всё случилось слишком внезапно — времени переодеться или подготовиться не было, но он не мог допустить, чтобы Чу Юань узнал его. Потому и пришлось прибегнуть к такой нелепой маскировке.

К счастью, никто, похоже, не обратил внимания на его странный внешний вид.

— Что произошло на самом деле? — спросил Чу Юань.

— Отвечаю Вашему Величеству, — начал Дуань Нянь, точно повторяя слова, которым научил его Нань Мосе. — Ранее, во время тренировок, ванъе по неосторожности впал в состояние помутнения ци. А теперь, вынужденный применить внутреннюю силу в состязании, повредил сердечный меридиан.

Чу Юань протянул руку и взял Байюэ за запястье. Пульс был хаотичным и беспорядочным.

— Может, позвать Девятого принца, чтобы он осмотрел князя? — осторожно предложил Сыси.

Чу Юань кивнул, но ещё не успел дать распоряжение, как Нань Мосе уже поднял руку, останавливая его:

— Я сам этим займусь.

Голос прозвучал так пронзительно, что евнух Сыси невольно поёжился.

Дуань Нянь, стоя рядом, прикрыл лицо ладонью.

«Если уж прикидываться — то последовательно, зачем то хрипеть, то визжать? Что он вообще творит?..»

Чу Юань нахмурился и с подозрением спросил:

— А вы кто?

— Ваше Величество, это наставник ванъе, — поспешно пояснил Дуань Нянь.

Раз наставник — значит, человек надёжный. Чу Юань кивнул и сам отступил от кровати, уступая место.

Нань Мосе потёр руки, как человек, готовящийся к работе, — и в следующее же мгновение с резким звуком разорвал одежду на груди Дуань Байюэ. Не успел никто и ахнуть, как он уже потянулся к поясу, намереваясь снять с него и штаны.

— Уважаемый господин евнух, — Дуань Нянь с поспешной улыбкой схватил Сыси под руку, — а не проводите ли вы меня до кухни? Надо бы вскипятить немного воды — пригодится, когда князю полегчает.

<http://bllate.org/book/14135/1244327>